

Глава 1

СОН

Отец прибавил газу и пошел на обгон, по днищу настойчиво застучала галька, «опель» завыл турбиной и вырвался на встречку.

Справа замелькали внедорожники — раз, два, три, четыре, Синцов подумал, что это похоже на кино. На киноплёнку: почти одинаковые вездеходы с толстыми захватистыми колесами, две с половиной штуки в секунду, — слишком медленно. Вот если бы ехать в десять раз быстрее, то было бы точно кино, за окном возник бы образ машины, составленной из разных кадров. Суперкар, покоритель великих пустошей, воин дальних дорог.

Справа по шоссе тащилась колонна джиперов. Точно вырвавшиеся со съёмок постапокалиптического боевика, джипы выглядели чересчур серьезно, по-настоящему. Политые грязью, оцетинившиеся кенгурятниками, лебедками, усилителями порогов и бамперов, нагруженные поверху зацепистой запасной резиной и непонятными баулами, блестя противотуманками и задирая дикой аэрографией, они тянулись в сторону Гривска, заняв почти полторы полосы узенького асфальтового шоссе, выпадали из лета. Сразу

было видно, кто тут король дороги и уж тем более повелитель бездорожья, — здесь вам, однако, не тут.

— Делать людям нечего, по кочкам гоняются... — пробурчал отец и увеличил скорость.

Синцов отметил, что среди джиперов царил подчеркнутый демократизм — в одной колонне шли «Нивы», УАЗы, «лендроверы», и «лендкрузеры», и настоящий полевой «хаммер», широкий, как танк, и неожиданный «инфинити», и множество «газиков», пролез как-то даже пегий послевоенный «виллис», интернациональный состав колонны подчеркивал, что перед настоящим русским ухабом и древнерусской грязью равны все.

Отец катил по встречке, ругая бездельников, которые, вместо того чтобы работать, стараться и всячески производить прибавочный продукт, месят бездорожье с непонятными целями, мочалют резину, ломают мосты, выворачивают шаровые опоры и портят хорошую технику, которая в руках нормальных людей могла бы жить и жить...

Синцов подумал, что это он зря. Обгон зря затеял. Дорога извилистая и не очень ровная, машину подбрасывало на ямах, а конца джиперской колонны видно не было. И ведь торопиться-то некуда, к чему эти гонки? Сам Синцов предпочел бы так и тащиться в джиперском хвосте, — чего там, в этом Гривске, делать? Комаров кормить? Если верить рассказам отца, комаров там действительно много, правда, сейчас от них есть химдымовское решение, а раньше вот приходилось спать в марлевых балдахинах. Синцов представил, как он будет спать в марлевом балдахине, и погрустнел в очередной раз, уже в четвертый за этот продолжительный день.

В первый раз грусть случилась в пять утра. Синцов стоял на пороге своей комнаты, глядел на коробки с вещами,

на пустые стены, на линолеум, задравшийся в углу, и понимал, что видит это в последний раз. Он прожил в этой комнате десять лет, он привык к ней, а теперь видел в последний раз. Нет, он знал, что теперь у него будет другая комната, в два раза больше, с балконом и отличным видом, в эту комнату можно будет поставить аквариум, повесить на стены полки, на которые войдут наконец все его книги, комната, в которую не стыдно пригласить одноклассников... Да и вообще, новая квартира будет лучше.

Но все равно.

Во второй раз печаль ожгла его сердце, когда отец не позволил взять с собой в Гривск Xbox, мотивируя это тем, что бабушку-де нельзя допускать до электронных игр. Синцов удивился, однако отец объяснил, что бабушка чрезвычайно падка на электронные развлечения, что в конце восьмидесятых дедушка купил ему игру «Тайны океана», а бабушка увидела ее и вывалилась из жизни на четыре дня. До призовой игры она, конечно, добралась, но это стоило ей ухудшения зрения и обострения кистевого артрита. Если же она увидит в действии всю мощь современных графических технологий, то может погрузиться в игровой угар до яблочного спаса. Так что лучше бы вообще не брать с собой никаких консолей, пусть даже и портативных, ограничиться ноутбуком и бабушке выдавать его только по вечерам для игры в «Косынку». Во избежание обострения и усугубления деменций.

В третий раз Синцов загрустил при пересечении Гривского района.

Их приветствовала довольно опрятная стела, а за ней сразу синел билборд, повествующий, что Гривскому уезду уже почти триста лет, что сам Гривск основан как крепостной

острог еще во времена Петра Великого, что тут пролегал тракт, по которому за Урал гнали каторжников, и сам Достоевский по дороге на омскую каторгу останавливался откушать чаю в доме местного градоначальника Тряпкина. Что Гривск — это столица русского торфа.

Имелся на билборде и герб Гривска, на котором изображался почему-то бобр, сосредоточенно грызущий могучие древесина. Глядя на этого счастливого бобра, Синцов почувствовал себя немного Достоевским, медленно, но уже неотвратно погружающимся в сибирские руды, вот только на чай градоначальник Тряпкин его сейчас вряд ли пригласит, бобров же Синцов вообще опасался. Настроение ухудшилось еще и потому, что при пересечении границ района резко поменялся репертуар радио: вместо бодрой универсальной попсы зазвучал шансон, причем в самом диком своем изводе. Перескок с Газманова на «кольщик, наколи мне купола» еще больше направил мысли Синцова в печальную сторону. Неосторожно представив, как он будет спать в засиженном мухами балдахине, Синцов загрустил совсем, а тут еще «МАЗ».

Из-за поворота вырулил «МАЗ».

— Ах ты...

Отец выругался и пристроился в разрыв между джиперами, едва втиснувшись между затюнингованной «буханкой» и камуфляжного цвета «тундрой». Водитель «тундры» слегка притормозил, пропуская Синцовых перед собой, и в благодарность отец помигал аварийкой.

«МАЗ» проехал мимо, окатив солярочным перегаром, салонные фильтры не справились, внутри машины завоняло чужим, отец опустил стекла, в машину вошел гривский воздух.

— Удачно попали, — сказал отец и хлопнул с досадой по рулю.

— Да не торопись, — посоветовал Синцов. — До города уже близко, ничего, пусть едут.

Но отец хотел торопиться. Не оттого, что они куда-то уж очень спешили, а потому, что он торопился всегда. Он нервничал, мигал левыми поворотниками и то и дело высовывался на встречу, но снова выйти на обгон не удавалось — так и тащились.

Джиперы же не торопились, катили не быстрее пятидесяти километров в час, и отец то и дело нервно колотил ладонью по двери.

— Да сколько же их тут... — отец снова попытался вырваться из коробочки, но по встрече катила новая фура, а за ней сразу цементовоз, пришлось возвращаться обратно.

— У них, наверное, ралли, — предположил Синцов.

Фура прогрохотала мимо, цементовоз опять же.

— А мне плевать, что у них ралли! — заорал отец и нетерпеливо выскочил из колонны.

Полоса была пуста, и отец добавил скорости, двигатель завизжал. В этот раз они успели. Колонна осталась позади, и отец теперь отыгрывал упущенное. До тех пор, пока не кончилась дорога. Кончилась она неожиданно, шоссе поднималось в гору и вдруг раз — и просто исчезло, оборвалось, вот асфальт — и сразу же грейдер, песок с отсевом. Машину затрясло, Синцов уперся ногами покрепче, нащупал затылком подголовник.

— Три года назад еще обещали сделать, так и не сделали, — отец опустил стекло в дверце и выставил в окно руку. — Теперь впереди двадцать километров терпения, ничего здесь не меняется...

Но терпения потребовалось несколько больше. Двадцать километров закончились, потом закончились тридцать и даже тридцать пять, а асфальта не возникало. Машина ползла на второй передаче, стоило хоть чуть ускориться, как начинали стучать зубы и брякать правая передняя стойка. Отец снова злился, и Синцов, кажется, понимал, почему — отец хотел по-скорому закинуть его к бабушке и побыстрее удрать из Гривска.

— А другой дороги туда нет? — спросил Синцов, когда почувствовал, как от тряски заболел живот.

— Есть еще две, — ответил отец. — Но они хуже этой, эта самая хорошая.

Синцов вздохнул. Дорога действительно была разбита катастрофически. Фуры и прошедший дождь окончательно изуродовали ее, превратив в малопроезжимое месиво, из которого то тут, то там торчали обломки асфальта. Когда «опель» чиркал по ним днищем, отец скрежетал зубами и проклинал все подряд, начиная с производителей седанов экономкласса, выпускающих машины с предательски низким клиренсом, заканчивая районными коррупционерами от дорожной индустрии, расхищающими бюджеты. Синцов думал про другое. Он представлял, как проведет предстоящее время в Гривске. И как невыносимо будет это время, каждый его час.

В Гривске Синцов сам по себе не бывал никогда, хотя отец и грозился отправить его погостить к бабушке чуть ли не каждое лето. Но обычно все происходило по-другому, обычно бабушка сама приезжала к ним на Новый год, привозила варенье, соленые грузди и сушеные груши, груши Синцов любил особенно. И бабушку тоже любил. Но ни груши, ни даже бабушка не могли оправдать лета, проведенного в Гривске.

Однако другого выбора у Синцова не было — в июне они продали квартиру, а в новую вселялись только в сентябре, и все лето жить было негде. Мама взяла отпуск и с Людмилой уехала к бабушке в Калининград, отец собирался все это время жить в офисе и уже купил для этих целей раскладушку. Синцова поначалу тоже хотели в Калининград, но он отвертелся: калининградская бабушка слишком любила порядок, делала уборку каждый день, не разрешала валяться на диване и заставляла всех ложиться спать в девять. Синцов порядок не любил, от уборки отлынивал, а спать летом ложился не раньше двух, поэтому, поразмыслив, выбрал из двух зол меньшее.

До Гривска было четыреста с лишним километров, отец посчитал, решил, что своим ходом будет дешевле, и они добирались на машине.

Четыреста километров пролетели почти незаметно, однако последние версты оказались трудны. И чем ближе они подбирались к Гривску, тем непроходимей становилась дорога, и Синцов стал всерьез подумывать, что не зря они поспешили с обгоном джиперов: если теперь вдруг встрянут в лужу, будет кому выдернуть. Но все получилось несколько по-другому. За семнадцать километров до города «опель» в очередной раз наскочил на камень, изрядно подмял левый порог и поставил глубокий скол на дверце. На этом внедорожное терпение отца окончательно истощилось, он проклял родину Сусанина страшными проклятиями и свернул с шоссе в лес.

Синцов заметил, что, возможно, стоило немного потерпеть, недалеко осталось, на что отец сказал, что эту дорогу он помнит с детства, они тут всегда на великах гоняли, тут гораздо ближе, и вообще.

Со времен «всегда» все несколько изменилось. Лесная дорога подзаросла, так что машина двигалась по узкому коридору между деревьями, по корпусу скрипело и корябалю.

Синцов вздохнул, что никогда не поздно вернуться, но отец только злобно промолчал.

Когда ветки начали скрести по крыше, Синцов попытался воззвать к голосу разума в очередной раз, но в очередной раз не был услышан. На девятом километре лесного пути они все-таки встали, машина закопалась в колеи, села на брюхо и дальше не пошла, сколько отец ни газовал.

Пришлось Синцову вылезти и толкать, упираясь плечом в пыльный багажник. Толку от толкательной силы Синцова оказалось немного, помаявшись полчаса, отец плюнул и пнул машину в бампер, из-под бампера выпала высохшая лягушка. Некоторое время отец терзал телефон, затем вздохнул и смиренно отправился к переезду за трактором, Синцов же остался сторожить «опель», разумно рассудив, что в машине надежнее, и комаров меньше, и от волков, если что, можно отгудеться, и, кстати, кондиционер, в то время как вокруг уже парил душный давящий полдень. Синцов разложил сиденье, запустил обдув, лежал в кресле, смотрел в небо и размышлял о том, что дух Сусанина не следовало беспокоить без крепкой нужды, глядишь, и добрались бы без потерь, потихоньку.

Жара, синее небо, в лесу пели птички, каникулы в самом разгаре, но Синцову от этого весело не было, он все думал про кровожадных волков, безмозглых лосей и, наверное, росомах, про всех зверей, которые всегда не прочь погубить беззащитного человека в лесу. О том, что предстоит мучительное время, наполненное незнакомым городом и отсутствием смысла пребывания в нем.

Обычное лето Синцова делилось на три неравноценные части. В июне он по настоянию родителей на протяжении трех недель в составе трудового отряда убирал городские улицы, озеленял дворы и строил детские площадки. Денег за это много не платили, однако таким образом Синцов отдавал обществу долг. Сам Синцов не очень хорошо понимал, в чем заключался этот самый долг, но в начале лета спорить с родителями еще не решался.

Первый месяц был относительно терпим: отбыв трудовую повинность с утра, Синцов выходил в вечернюю свободу и жил не без приятности. Потом наступал июль, время неотвратимого семейного отдыха. Весь год мама и отец выбирали страну, побережье, отель и береговую линию, выбирали обстоятельно, тщательно изучая отзывы на туристических сайтах, отчеты в соцсетях и записки путешественников периода Великих географических открытий. Совместный вояж скреплял семью, расширял кругозор и сужал мозг, Синцов ненавидел это мероприятие, но не участвовать в нем можно было лишь по уважительной причине, например, пребывая на смертном одре. Болгария, Турция, Тунис, Таиланд, Куба, только один раз Синцову понравилось путешествие — это был круиз на океанском лайнере к карибским берегам, и все время пути Синцов болтался по кораблю, питался бесплатной пиццей, пил газировку и любовался закатами.

Третий период, август, был самым счастливым временем лета. В августе родители отставали от Синцова, и он погружался в бездельную жизнь, лень и праздность. Синцов ждал это время, это было лучшее время в году, и теперь, когда счастливый август обернулся внезапной тоской, Синцов немного злился. Злость распространялась

на Гривск и на всю поездку. Да, лето обещало быть незабываемым.

Синцов попробовал послушать радио, но в лесу с ним было еще хуже, чем на дороге, музыка сюда вообще не добиралась, даже про кольца. Из динамиков доносились назойливые шумы, которые сильно угнетали мозг, эти шумы, жара и укачанность организма привели к тому, что Синцов уснул.

Это был утомительный полуденный сон, тяжелый и яркий, такими могут быть только дневные сны, ночью такого сна не дождешься. Синцов увидел солнечные пятна, услышал чье-то далекое пение и еще более далекий железно-дорожный состав — и сквозь сон сумел подумать, что он не слышал поездов уже давным-давно, а сейчас ему понравился этот звук, и кроме него еще какое-то чириканье услышал, и снова разноцветное драже из солнечных капель. Некоторое время Синцов держался, стараясь сохранить контроль над сном, но, конечно, не сохранил.

Ему снились реки, тропки, облака, провода, натянутые поперек неба, много, Синцов завяз в них и проснулся.

Радио отключилось. В салоне было тихо и жарко, стекла запотели изнутри, и некоторое время Синцов не мог понять, где он находится. Потом вспомнил. Он уснул в машине посреди леса. Отец ушел за помощью. Ситуация критическая...

Но, немного поразмыслив, Синцов пришел к выводу, что ничего критического нет. Он не заблудился, не сбился с дороги, у него было где укрыться и было чем питаться — в багажнике лежали запасы, которых хватит на пару недель точно. Так что поводов для паники не находилось. Да и время терпело, всего лишь три часа...

Синцов зевнул. В машине сидеть надоело, хотелось продышаться, Синцов открыл дверь и выбрался наружу.

Почти сразу он увидел бруснику, белую, еще не успевшую созреть, не удержался и сорвал. Ягоды оказались горьковатые, но на вкус приятные, Синцов собрал в ладонь несколько кисточек и стал есть по одной.

Лес. Синцов увидел его неожиданно по-другому, словно чужим, чуть посторонним взглядом. Светлая сосновая чаща уходила чуть вниз покатым склоном, воздух был прозрачен вблизи и синел вдали, и там, в этой самой дали, покачивались в воздухе... Синцов не понял, что там именно колыхалось, что-то вроде воздушных тритонов, вот так. Заинтересовавшись этим воздушным движением, Синцов направился в его сторону и почти сразу увидел гриб. Боровик. Синцов не очень точно разбирался в грибах, но спутать боровик с чем-то было трудно, Синцов наклонился, сорвал и тут же увидел еще один, буквально в метре.

Синцов огляделся и увидел, что грибов вокруг вообще много. То есть очень много. Синцов подумал — будет неплохо, если он насобирает грибов, отец рассказывал, что бабушка варит удивительную грибную солянку с сыром, молоком и сухарями.

Синцов стал собирать грибы. Сначала думал снять рубашку и складывать в нее, но рубашки стало жаль, поэтому он просто насаживал боровики на тонкие прутики, и скоро в руках у него было по три шампура и почти собирался четвертый.

Синцов шагал между соснами, старался выбирать грибы поменьше, не забывая держать в уме направление, поскольку помнил множество историй про то, как пропадали в лесу люди, увлекшиеся собиранием грибов. Но с направлением

было все в порядке — Синцов спускался под гору, и в случае чего выходить следовало наоборот. Следовало бы уже и выходить — грибов хватило бы на три кастрюли солянки, однако на Синцова навалилась жадность, и он не мог остановиться. Он выкинул большие грибы и собрал вместо них средние, а потом выкинул и средние, оставив только маленькие, те, которые хрустели, когда Синцов насаживал их на прутик. А потом что-то слева...

Что-то слева, он еще не успел туда посмотреть, но уже знал, что там что-то есть. Синцов подумал, что олень. Лес очень сильно напоминал олений бор, Синцов уже видел его на открытке, только не мог вспомнить, на какой именно. Поэтому Синцов подумал про оленя.

Он остановился и медленно, чтобы не спугнуть, повернул голову.

Не олень.

По лесу шагала старушка. Худая и высокая, в необычном белом халате. Синцов испугался этого белого цвета, потому что не понял, зачем в лесу белый цвет, но потом вспомнил, как его бабушка, отправляясь за малиной, всегда надевала белое. Потому что белое отпугивает мух, комаров и пчел, кроме того, белое отлично видно издалека, так что в случае если в лесу тебя хватит удар от жары и перенапряжения, то поисковикам отыскать тебя будет гораздо легче.

Старушка, кажется, тоже собирала грибы. Во всяком случае, она шагала ссутулившись, втянув голову в плечи, вглядываясь себе под ноги, так что издали были заметны только ее седые волосы, довольно, кстати, длинные.

Синцов неожиданно для себя самого понял, что в компании ходить по лесу он не любит, это неинтересно и как-то неправильно, и так все в городе друг на друге сидят, поэтому

он повернул направо. Пора было возвращаться, грибов он насобирал много, и удаляться от машины слишком далеко не хотелось, пусть и в таком чистом лесу. Прошагал метров двадцать и снова повернул, направившись уже в горку к дороге, на которой осталась машина.

Обратный путь оказался не таким легким, Синцов шагал в подъем и скоро почувствовал, что начал уставать. А подъем не прекращался. Больше того, становился вроде как круче. Ноги болели сильнее, это Синцов отметил.

Вскоре Синцов отметил и еще одну странную и пугающую особенность — он явно шагал вверх, однако, оглядываясь, почему-то видел, что за спиной не спуск, а тоже подъем, отчего казалось, что он находится на дне огромной пологой воронки. И еще одно сравнение пришло Синцову в голову, что он — хомяк, угодивший внутрь чудовищного прозрачного пузыря, что, сколько бы он ни бежал, впереди всегда будет подъем, и за спиной тоже будет подъем, со всех сторон.

Синцов почувствовал страх. Небольшой такой и вполне контролируемый страх. Синцов вполне понимал, что заблудиться он не успел бы — слишком недалеко отошел от машины, двадцать минут хода, но почему тогда...

Старушка, собиравшая грибы, снова показалась слева. Снова шагала параллельно, высматривая что-то на земле. Синцов помахал ей рукой, старушка на это никакой реакцией не ответила, продолжала идти. Энергичная такая, шустрая старушка...

Какая-то уж слишком энергичная. Старушке для того, чтобы снова оказаться от него по левую руку, требовалось сделать большой крюк. То есть очень большой, пройти почти в два раза больше, чем прошел он.

Старушка продолжала шагать...

Или не шагать. Синцов неожиданно заметил необычность в ее перемещении. Двигалась старушка довольно быстро, но при этом движений тела почти не просматривалось, словно она скользила над землей. Точно под ногами у нее лежал асфальт или лед, и не встречалось ей ни корней, ни поваленных деревьев, ни кочек.

И лица по-прежнему не видно.

Синцов испугался сильнее. Не так чтобы до перехвата дыхания, но все равно. Что за бабка такая? Какого черта она вообще тут делает?

Синцов прибавил и свернул чуть вправо, чтобы уйти от этой непонятной старухи, ну ее, мало ли сумасшедших по лесу шастает с сумками...

Синцов поскользнулся на камне и упал коленом в мох, а когда поднялся, обнаружил, что старушка в белом халате уже перед ним. Перед ним, но так и не повернулась лицом, точно у нее имелась всего лишь одна сторона.

Старушка оказалась перед ним, и в голове Синцова проскочила мысль, что старушка его окружает.

Окружает, умудряясь держаться к нему всегда одним боком.

Когда Синцов понял, что бабка его окружает, он побежал. Потому что испугался уже по-настоящему. Наверное, он бы закричал, если бы это не было так стыдно, причем стыдно перед самим собой. Кричать, увидев в лесу старушку...

Синцов не мог до этого опуститься. Как не мог и попросту кинуться от нее прочь — это тоже было глупо и позорно. Синцов попробовал взять себя в руки. Стоило немного отдышаться, прийти в разум и не поддаваться панике, чего, в конце концов, ей поддаваться?

Синцов стал дышать, стараясь не глядеть на старушку, а она точно застыла возле сосны, стояла не шевелясь, как бы превратившись в чучело, словно зависнув над серебряным мхом.

Подумаешь, старушка! Синцов улыбнулся, постарался, во всяком случае. Мало ли старушек в лесу? Грибы в сумку собирает, ягоды...

Или просто гуляет, дышит воздухом, тут хороший воздух, может, она бывшая чемпионка по спортивной ходьбе, продолжает поддерживать себя в хорошей форме.

Может, она тоже заблудилась, может, ей помощь требуется, а она стесняется подойти? Старенькая ведь...

— Бабушка, вам помочь? — спросил Синцов. — Я, правда, сам немного... Может, вас до города подвезти, у нас тут машина.

Ему не ответили.

— Бабушка! — позвал Синцов.

Старушка не повернулась, как стояла, так и стояла, может, чуть покачиваясь.

— Бабушка, а вы не знаете, где тут дорога?

Синцов услышал, как дрогнул его голос, свалился в позорный писк, так что пришлось повторить уже басом:

— Бабушка, а где здесь дорога?

Старушка не обернулась. Убежать захотелось сильнее, Синцов подумал, что он, пожалуй, не стал бы стесняться и побежал бы, чего уж там, только вот бежать он явно не мог. Ноги не слушались. Они сделались как длинные макароны,гнулись в коленках и не хотели двигаться.

Захотелось закричать, но вдруг Синцов понял, что крикнуть тоже не получается. Ничего не получалось, только стоять и смотреть.

Белый халат на старушке был не совсем белым. Приглядевшись, Синцов обнаружил продолговатые темные пятна, а приглядевшись лучше, увидел, что это не пятна. Дыры. Белый халат оказался выеден временем, а пятна оказались просто дырами, халат порвался от ветхости, не порвался, а, наверное, распался. Но хуже всего было то, что в этих про-
рехах Синцов заметил.

Шерсть.

Под халатом у старухи темнела шерсть, точно старая, протертая марлевая накидка была надета на медведя.

А яркая зеленая сумка была сплетена из свежей травы и напоминала гнездо.

Старуха не двигалась. Синцов не мог оторвать от нее взгляда, смотрел и смотрел, чувствуя, как начинают болеть глаза, особенно левый. В него точно насыпали ложку песка, накапали жгучего перечного соуса и дунули горячим ветром. Хотелось проморгаться, немедленно, но Синцов не мог, откуда-то он знал, что если он моргнет, на секунду закроет глаза, то старуха окажется ближе. Рядом. А потом еще ближе, так что Синцов услышит ее тяжелый земляной запах...

А потом старуха начала оборачиваться. Медленно. Она оборачивалась и не оборачивалась одновременно, как это объяснить, Синцов не понимал, просто знал, что, если она все-таки повернется к нему лицом, ничего хорошего не случится.

Синцов заорал, на этот раз получилось, но не громко, а как через шальную апрельскую ангину. Он шарахнулся, и ему удалось вырвать из земли ноги, но он тут же снова упал и вцепился руками в мох.

Старуха оказалась рядом. И действительно запахло землей, но не гнилой и тяжелой, а чистой и свежей, запах был

не страшный, а наоборот — весенний, запах песка и последнего льда, но все равно стало... уже не страшно.

Это был уже не страх, а настоящий клубящийся кошмар.

Синцов попробовал ползти, не смог, точно влип в землю, точно на плечи навалилась мягкая безнадежная тяжесть, мешающая дышать...

И проснулся, со свистом втянул воздух.

Прямо над головой старался давно голодный дятел, штробил древесину, усердно точил висок, Синцов дернулся и очнулся окончательно. Он сидел в машине, навалившись грудью на руль. Слева у двери стоял отец и стучал согнутым пальцем в стекло, прямо перед капотом возвышалась траченная временем «Беларусь», тракторист разматывал с передка ржавый трос и дымил папирсой.

Синцов огляделся. Никаких старух, никакой земли, никаких красных яблок. Сон. Двойной. Это все жара, уснуть внутри сна и увидеть себя со стороны, редкое явление, он читал о таком в какой-то книге и читал, что сны во снах особенно мучительны и правдоподобны.

— Открывай! — позвал отец. — Надо петлю из багажника вытащить!

Синцов открыл дверцу. Внутрь машины ворвался свежий лесной воздух и с ним парочка голодных слепней, Синцов выбрался из салона и стал дышать. Он смотрел на лес, точно такой же, как в его сне, только светлее и прозрачнее, и никак не мог избавиться от странного ощущения.

— Что с тобой? — отец похлопал его по плечу, сунул в руку бутылку с холодной газировкой.

— Да так, ничего. Угорел немного...

Синцов потряс головой, стараясь выбить из нее остатки сна.

— Потерпи, скоро приедем, — успокоил отец. — Я бабушке уже позвонил, она окрошку режет. И пиццу печет с зеленым луком.

Синцов любил пиццу с зеленым луком.

— В сторону лучше, — посоветовал тракторист. — Сейчас дернем чутка, и все поедет...

Тракторист вкрутил в бампер стальной крюк, прицепил к нему трос, полез в «Беларусь».

Отец устроился за рулем, Синцов отошел в сторону и на всякий случай укрылся за сосну, мало ли, трос расплетется...

— Сейчас дернем, — тракторист выпустил дым, отстрелинул пальцем в сторону окурков.

«Беларусь» загудела, сдвинулась и потащила «опель» по дороге.

— Тяни! — кричал отец. — Давай по-малому!

Дымок в месте, где упал окурков. Берегите лес от пожара, вспомнил Синцов. Он шагнул к месту, где дымило, и действительно обнаружил, что отброшенный трактористом окурков упал удачно — в центр моховой кочки. И теперь разгорался пожар, маленький такой, аккуратный пожар, дунет ветер — и все.

Синцов свернул крышку с горлышка, залил огонь. Попил водички, залил огонь еще раз. На всякий случай сбил мох кедом, притоптал. Под кочкой открылась земля, песок и немного мелкой, с горошек, гальки. И гвоздь. Синцов сразу его заметил, необычный гвоздь, он был вбит в почву под острым углом и почти по шляпку. Синцову подумалось, что это странно, гвоздь в лесу, и он нагнулся и хотел этот гвоздь достать, но тут позвал отец.

— Константин! — крикнул отец. — Константин, поспеши!

Синцов оглянулся. «Опель» выбрался из колеи, отец ходил вокруг и отскребал с корпуса грязь. «Беларусь» поджидала в стороне, тарахтела, плевалась соляжкой.

— Что там копаешься?

Ну, гвоздь, подумал Синцов. Мало ли гвоздей?